

Антон Чиж

Черный плащ буйволовоу

КОЖИ

*Часть сборника
Скрытые улики.
Сборник исторических
детективных рассказов*

Антон Чиж

Черный плащ буйволово́й кожи

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23747569

Скрытые улики: сборник исторических детективных рассказов.:

Издательство «Э»; Москва; 2017

ISBN 978-5-699-95227-4

Аннотация

«...Как часто мелочь рушит великие планы. Ни о чем таком Борис Георгиевич и не думал, а потому позволил войти. Камердинер исключительно английского вида по фамилии Кузькин на серебряном подносе подал депешу. Не ожидая подвоха, Борис Георгиевич взглянул в телеграфный листок. Не успел пробежать несколько строк, как брови его полезли вверх, дыхание сперло, и он вскочил столь резко, что кресло издало неприятный визг. Дворецкий вздрогнул, охнул и выпучил глаза, но в остальном сохранил выдержку, как и полагается истинному англичанину с Васильевского острова. А дипломат повел себя несдержанно, крикнул: «Отчего не доложили сразу!» – и бросился к выходу так стремительно, что толкнул дворецкого и пребольно...»

Антон Чиж

Черный плащ буйволово́й кожи

Второй секретарь русской миссии в Британской империи Борис Георгиевич Ванзаров, надворный советник, пребывал в утренней неге, когда первый завтрак закончился давно, а второй не думал начинаться, и во всем теле от души до пяток царили мир и спокойствие. Как любой русский, живущий в Лондоне, он незаметно становился англичанином. Вернее, думал, что становится. Борис Георгиевич старательно копировал привычки, и со стороны могло показаться, что он настоящий англичанин. Если бы не мелкие штришки, заметные аборигенам Темзы. После полуденного чая дипломат намеревался пройтись недолгой прогулкой в ближайший парк. Как вдруг в дверь его кабинета постучали.

Как часто мелочь рушит великие планы. Ни о чем таком Борис Георгиевич и не думал, а потому позволил войти. Камердинер исключительно английского вида по фамилии Кузькин на серебряном подносе подал депешу. Не ожидая подвоха, Борис Георгиевич взглянул в телеграфный листок. Не успел пробежать несколько строк, как брови его полезли вверх, дыхание сперло, и он вскочил столь резко, что кресло издало неприятный визг. Дворецкий вздрогнул, охнул и вы-

пучил глаза, но в остальном сохранил выдержку, как и полагается истинному англичанину с Васильевского острова. А дипломат повел себя несдержанно, крикнул: «Отчего не доложили сразу!» – и бросился к выходу так стремительно, что толкнул дворецкого и пребольно.

Лестничный пролет второй секретарь одолел одним махом, и почти вовремя оказался в довольно узком парадном холле.

– Рад вас видеть... – натянув дипломатическую улыбку, сказал он человеку, вошедшему в парадную дверь. Зная кое-что о приехавшем, Борис Георгиевич счел за лучшее не протягивать руку, чтобы не попасть в конфуз.

Судя по дорожному плащу черной буйволовой кожи – такие модны в Америке, – визитер прибыл с парохода. Окинув дипломата быстрым взглядом, он не проронил ни слова. То есть буквально не сказал ничего. Такое поведение в доме, где ценили этикет, могло показаться вызывающим. Но что поделать: таким и было поведение гостя.

Борис Георгиевич, наслышанный о сем господине, счел за лучшее не замечать его невоспитанности. Напротив, он придал своему лицу изысканно-вежливое выражение и цветасто представился, не забыв сообщить, что целиком и полностью к «вашим услугам».

Гость, казалось, о чем-то задумался и спросил:

– Ванзарову кем приходитесь?

Борису Георгиевичу ничего не оставалось, как признаться

в родстве с младшим братом.

– Вы с ним знакомы? – поинтересовался он, в свою очередь, надеясь нащупать ниточку дружелюбия, ведущую к душе господина.

– Нет, – промолвил гость.

Ответ не оставлял надежды. Борис Георгиевич спросил у гостя, где его вещи. Ответом было движение бровей к дверному проему, в который, надрываясь от натуги, кебмен вносил чемодан. Вернее, боролся с ним из последних сил. Если бы не швейцар, пришедший на выручку, бедняга бы пал замертво под тяжестью кожаного кофра невозможного размера, не хуже загнанной лошади. Эти муки мало тронули приезжего. Как только кофр с глухим звуком бочки приземлился на мраморный пол, гость потерял всякий интерес к судьбе полуживого кебмена. И его заработку. Давать на чай и ободрять честного труженика кнута пришлось швейцару.

С мужественной улыбкой, наблюдая за мелкой катастрофой, Борис Георгиевич «внутренне холодел», как принято писать в женских романчиках. Ничего хорошего визит гостя не сулил. Разумеется, Борис Георгиевич знал чин и довольно странную для МИДа должность приехавшего господина: чиновник особых полномочий. Как и многое другое, о чем шептались сотрудники министерства. Было это слухами или на самом деле случалось, трудно было утверждать наверняка. Зато можно было не сомневаться: неприятностей не избежать. Счастье – если неприятности эти окажутся мелкими.

– Прошу простить, как прикажете?.. – начал Борис Георгиевич, намекая на свою досадную якобы неосведомленность.

– Маршалк.

– Очень приятно. Но, позвольте ... – нельзя же обращаться к человеку вот так, по фамилии, не в Америке же они находятся, в конце концов. На суверенной территории России как-никак, пребывали. С точки зрения международного права.

– Чемодан доставить в мою комнату.

В любом другом случае Борис Георгиевич счел бы подобное обращение оскорбительным. Не позволительно отдавать приказы второму секретарю посольства, словно тот дворецкий. Но не время было сейчас обращать внимание на мелочи этикета. А это, в сущности, – мелочи, если присмотреться.

– Извольте представиться Александру Константиновичу?

– Некогда. Потом загляну...

Опять Борис Георгиевич утопил в улыбке невозможную грубость. Чтобы чиновник, прибывший в посольство, отказался от аудиенции с послом, самим графом Бенкендорфом? Ну, знаете... Это... Это... Борис Георгиевич просто не находил подходящих дипломатических слов.

– Где Борн-стрит?

От Чешем-плейс, 31, где располагался особняк русской миссии, улица была недалеко: пять минут неспешной езды. Борис Георгиевич предложил услуги швейцара, чтобы тот

высвистал кеб. Маршалк повернулся и вышел вон. Не проронив и слова.

Когда этот человек исчез за дверью, Борис Георгиевич испытал большое облегчение. Он был отлично осведомлен о сысской полиции вообще и о характере некоторых ее представителей, особенно его непутового братца в частности. Но на фоне этого субъекта, невыносимый, невозможный и невоспитанный Родион Ванзаров казался эталоном джентльмена. А этот – дикарь какой-то.

В прошлом, 1902 году мнение перспективного дипломата Ванзарова, только-только поднявшегося на карьерную ступеньку, было отчасти верным. Отчасти, потому что всю правду о Маршалке знал только сам Маршалк. В Министерстве иностранных дел империи не было человека более страшного, загадочного и возмутительного. Все знали, что такой Маршалк есть, но чем занимается на самом деле, не знал никто. Он появлялся и исчезал как привидение, то в одной миссии, то в другой, и каждый его визит имел последствия, о которых нельзя было вспоминать без содрогания.

Вид его был далеко не дипломатический. Для среднего роста он обладал мускулатурой, которую сюртук не скрывал, а только подчеркивал, словно был мал по размеру. В лице его не было ничего примечательного. Скорее правильное, чем уродливое, явно не аристократичное, но и не простонародное. Такое, что не описать по приметам. Потому, что примет не было.

Зато взгляд его запоминал каждый, кто хоть раз имел несчастье оказаться у него на пути. Взгляд этот давил такой силой, что хотелось или согнуться, или бежать без оглядки. Никто не знал, есть ли у него жена. Скорее и наверняка – не было. Какая женщина не сойдет с ума от каменной статуи? Маршалк приносил с собой ледяной ветер ужаса, а когда исчезал, чиновникам становилось так хорошо, будто повысили жалованье.

Никто не знал его имени-отчества. Только Маршалк.

Решительно невозможный человек. И еще этот плащ...

Борис Георгиевич, по должности принимающий важных гостей, оказался совершенно не готов к его визиту. Хуже того: было непонятно, зачем Маршалк явился. Никаких бед или скандалов в посольстве не случилось. Значит, это была тайная миссия. Но из МИДа ничего не сообщили. А потому...

Выводы казались молодому дипломату столь неприятными, что у него засосало под ложечкой. О прогулке можно было забыть. От прекрасного настроения осталось одно воспоминание. Борис Георгиевич непривычно резко приказал Кузякину, безуспешно боровшемуся с чемоданом, позвать прислугу, а не валять дурака. Он еще подумал: «Чем это набита поклажа? Не кирпичи же Колизея таскает за собой. Хотя с такого станется»...

Пока дипломат Ванзаров пребывал в хмурых размышлениях, Маршалк быстро удалялся от посольства. Он шел так уверенно, словно не раз бывал в Лондоне или, по меньшей мере, изучил карту. Ему не нужно было вертеть головой по сторонам, что всегда выдает приезжего. Маршалк словно ничего не замечал вокруг. И тем более не замечал удивленных взглядов дам, буравивших его спину. Появление на улице господина в столь вызывающем наряде сразу выдавало в нем иностранца да к тому же дурно воспитанного. Времена нынче были другие, викторианская строгость отстала, король Эдуард VII имел свободный нрав, но всему же есть предел. Нельзя же появляться на людях в чудовищном наряде, которому место в диких прериях. Это ужасно!

На Маршалка неодобрительно поглядывали даже личности затрапезного и ободранного вида. Однако это не помешало ему свернуть на Борн-стрит и быстро найти трехэтажный особняк грязно-желтого кирпича, втиснутый между двухэтажными собратями так тесно, будто им пришлось втягивать каменные плечи. Маршалк мягко постучал в дверь, которую мог вынести одним ударом плеча.

На пороге появилась невысокая дама с потертым лицом, в том возрасте, когда не важно, сколько на самом деле женщине лет. Чистенький передник нес отметины многих стирок.

При виде иностранца она выразила дружелюбное удивление и изо всех сил постаралась не коситься на чудовищный плащ.

– Я ищу мисс Торвальдсен, – сказал Маршалк, забыв представиться.

Женщина кивнула.

– Эта милая леди снимает у меня квартиру. А вы?..

– Дядюшка, – сказал Маршалк, поведя подбородком, что можно было принять за поклон. – Полагаю, вы и есть неподражаемая миссис Пинкс, домохозяйка и мастерица удивительных пудингов? Кларисса писала о вас в восторженных выражениях.

Слова пришлись миссис Пинкс по сердцу. Иностранец говорил так чисто, что и не признаешь чужака. Она зарделась, улыбка ее стала искренней.

– Моя дорогая племянница дома? – спросил гость.

Миссис Пинкс посторонилась, пропуская приятного джентльмена (жуткий плащ перестал ее беспокоить), однако она вынуждена была его огорчить: с милой леди они не виделись уже дня два, наверное, если не три. Хотя это неудивительно: Кларисса вела столь скромный и тихий образ жизни, что следить за ней не было никакой нужды. Но, разумеется, джентльмен мог подождать ее. Да, милая леди обычно запирала на ключ квартиру, но у нее найдется запасной, разумеется.

Плащ шуршал, задевая ступеньки, будто древний змей полз по дереву. Маршалк одолел два пролета узкой деревян-

ной лестницы. Дверь съемной квартиры была заперта. Маршалк заглянул в замочную скважину: просвет закрыло цевье ключа. Ключ миссис Пинкс оказался бесполезен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.